

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.131.1-11:811.512

СЕМАНТИКО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ДИАПАЗОН ГЛАГОЛОВ РУССКОГО, ТАТАРСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

А.А. Аминова, Д.Ф. Хакимзянова

Аннотация

Сложность процесса семантической деривации может быть объяснена варьированием значений лексических единиц и многообразием входящих в их состав сем. Данная статья посвящена вариантности значений глаголов русского, татарского и английского языков. Взаимодействие различных глагольных значений обуславливает семантические сдвиги и языковое расширение. В работе рассматривается семантическая деривация на примере лексико-семантических связей акциональных глаголов. Авторами выявлены причины и тенденции семантических сдвигов, отмечены случаи универсальной и уникальной внутриглагольной деривации.

Процессы деривации представляют собой языковое явление, аккумулирующее в себе, помимо собственно языковой, еще и культурологическую информацию. В современных исследованиях на разнообразном фактическом материале раскрывается тезис, что в плане содержания слова отражаются как индивидуальные, так и групповые, коллективные языковые знания. С точки зрения культурологической информации особый интерес представляют семантические сдвиги, отражающие коллективные языковые знания, т. е. менталитет того народа, который является носителем языка. Изучение связи языка и культуры в настоящее время является одним из основных направлений современной лингвистики, что так же подтверждает необходимость более тщательного изучения семантических процессов, основанных на изменении отношения носителей языка к тем или иным предметам, явлениям окружающей действительности.

Например, глаголы «оторваться», «отвязаться» помимо основного значения отсоединения передают идею развлечения и получения удовольствия, и оказывается, что оба глагола, независимо от их индивидуальных историй, образуют свои производные значения по одной модели. (Основное значение «отсоединения» становится своеобразным мостиком для развития нового значения, т. е. «оторваться, отсоединиться от привычного, рутинного монотонного течения жизни + и от этого получить удовольствие»). Следовательно, модель семантической деривации акцентирует (а иногда даже конструирует) систем-

ные отношения между значениями, в то время как реальная история возникновения каждого из значений связана с конкретными, всякий раз индивидуальными обстоятельствами.

Можно выделить три ряда причин, вызывающих изменения в семантике лексических единиц: психологические, социокультурные и собственно лингвистические.

Психологические причины, основанные на особенности ассоциативного мышления человека, при котором та или иная реалья воспринимается в сравнении или непосредственной соотнесенности с другими. В лингвистической теории им соответствуют метафорический и метонимический перенос наименований.

В качестве примера рассмотрим глаголы очищения, многим из которых присуща положительная оценка, так как сами глаголы обозначают действие очищения, которое у всех ассоциируется с чем-либо положительным, полезным, необходимым.

Однако наличие семы положительной оценки у инвариантных (т. е. неизменных, постоянных) значений глаголов вовсе не обуславливает обнаружение подобной семы и в вариантных значениях (чаще всего обозначаемых в словарях в качестве переносных). Ярким примером вышеуказанного является употребление деривата глагола «*чистить*» в значении «обокрасть», например: «Вчера *обчистили* наших соседей». Примечательно, что и у эквивалентов глагола «чистить» в других языках выявляются подобные вариантные значения, сравним татарский глагол *чистартырга* и английский *clean*: *Өйне кеше югында чистартып чыкканнар*. «Пока дома никого не было, дом обчистили». Oh, no! There's been a bank raid! I've been cleaned out! «О, нет! Ночью был налет на банк! Меня обчистили!» (Big Comic Fortnightly – 1989). Таким образом, наличие у глаголов с базовым значением «чистить» вариантного значения «обокрасть» в генетически неродственных языках позволяет отнести это явление к общеязыковым, а сам факт подобного явления объясняется универсальным характером человеческого мышления. Следует отметить, что в татарском языке глагол *эрчергә* (например, *бэрэңге эрчергә* «чистить, очищать картофель») также приобрел значение «обокрасть», ср.: *Ул безне эрчеп китте* (из разговорной речи). «Он нас обчистил».

Социокультурные причины, связанные с историческим развитием народа, с особенностями существования человека в данном обществе, взятом во всей совокупности социальных, политических, нравственных, религиозных, бытовых и прочих аспектов. Для семасиологического исследования они очень важны, поскольку конкретное лексическое значение определяется особенностями самих признаков реальных (или воображаемых) предметов, для обозначения которых они служат.

Семантическая история слов во многих случаях достаточно отчетливо отражает изменения в условиях жизни общества. Так, в настоящий момент в русском языке глагол «*зачищать*», а особенно производное от него существительное «зачистка» (например, «проводить зачистку») ассоциируются с крайне негативными действиями и вызывают массу отрицательных эмоций. На данном

примере видно, как происходящие в обществе изменения влияют на отдельно взятую лексическую единицу, на ее семантическое содержание.

Собственно **лингвистические** причины, связанные со структурой, строем того или иного системного уровня языка. При всей дополнительной, второстепенности и факультативности нельзя игнорировать определенное их влияние на семантику слов. Среди них стоит указать следующие: а) влияние звуковой формы; б) влияние синтаксической функции; в) регулярность/нерегулярность данного типа переноса наименования в языке.

Например, в ходе развития лексического состава языка глаголы обработки начали менять валентность, в частности стали употребляться в качестве безличных (особенно если они относятся к глаголам, описывающим погодные условия). Ср.: На дворе *морозит*. Тышта тагын да *суыта* төшкән бугай. «На улице вроде снова холодает» (К. Наджми).

Таким образом, семантические изменения содержат сущностно важную в лингвокультурологическом плане составляющую: в их основе лежит специфика мышления людей, объединенных общим языковым пространством.

Регулярная многозначность наблюдается в достаточно широких парадигматических объединениях, выделяемых на основе общих семантических компонентов. Так как словарный состав языка представляет собой систему лексических единиц, связанных друг с другом через принадлежность к определенным классам слов, для разных типов объединений характерны разные виды регулярных семантических преобразований. Собственно лексические классы и подклассы пересекаются между собой, а также с классами формального, грамматического, лексико-грамматического, словообразовательного характера.

ЛСГ объединяют глаголы на основе их соотносительности с одной и той же базовой лексемой. Сходство глаголов, входящих в одну ЛСГ, не исчерпывается наличием у них общего категориально-лексического признака («архисемы», «классемы»). Оно проявляется также в наличии типовой сочетаемости, в связанности с определенными семантическими моделями предложений, в определенных закономерностях их парадигматических соотношений внутри группы, в широком развитии у них функциональной эквивалентности, органически связанной с многозначностью, которая в данном случае приобретает регулярный характер.

Однако лексическое значение глагола является, как правило, многозначным и весьма емким по своей смысловой структуре, что в свою очередь затрудняет отнесение того или иного глагола к определенной группе. Выделение глаголов в группы опирается на знания говорящих о реальной действительности, т. е. на экстралингвистические факторы. Таким образом, глаголы в группах зачастую взаимопересекаются и в ряде случаев могут оказываться эквивалентными в зависимости от точки зрения на денотат (агентивное событие) и от последствий действия.

Сравним глагол «*бить*», где мы можем наблюдать интересное явление – энантиосемию. Так, в примере «*бить посуду*» глагол «бить» относится к глаголам разрушения, в то время как в примере «*бить масло*», «*бить монету*» «бить» является глаголом созидания. В денотативном смысле создание и уничтожение – это две стороны одного и того же процесса (в данном случае нанесе-

ния ударов), все зависит от характеристики объекта и цели человека. Подтверждению этому служит эквивалент глагола «бить» в татарском языке – глагол *сугарга* «ударить», который также употребляется в качестве глагола созидания, например, *акча сугарга* «чеканить монеты», *кирпеч сугарга* «делать, отливать кирпичи», *киндер сугарга* «молоть лен», ср.: Жиремаз кешеләре кыш буе кап, чыпта сугалар, талдан кәрзин үрәләр. «Люди Джиремаза всю зиму плетут рогожу, кули и корзины» (А. Маликов). Как видим, в одном случае нанесение ударов приводит к созданию объектов, в другом – к их разрушению.

Подобную причинно-следственную связь мы можем наблюдать и в глаголе «долбить», одно из значений которого – «изготавливать, делая ударами углубление», например, «долбить улей» – позволяет нам отнести этот глагол к глаголам созидания. Однако в глаголе «долбить» имеется и вторичное, ассоциативное значение, выдвигающее на первый план сему монотонности и однообразия действия, что нашло применение в разговорном языке, ср.: «долбить» (говорить, повторять одно и то же) – «долбанная вещь» (сниж. разг. надоевшая).

Многомерность и сложность глагольной системы в значительной степени связана с наличием в ней многозначных лексем, омонимов. Однако очевидно, что семантическая мотивация нарушает прежние структурные связи и актуализирует новые в системе современного глагольного словообразования. Таким образом, формирование и создание нового понятия или нового понимания предмета осуществляется на базе имеющегося языкового материала. Всякий раз, когда новое значение включается в лексическую систему языка, оно вступает в связь и во взаимоотношения с другими элементами сложной и разветвленной структуры языка. Следует отметить, что в семантической структуре каждого глагола можно выделить несколько составляющих. Так, например, в деструктивном глаголе «*суярга*» можно выделить актанты агенса (субъект, сознательный инициатор действия), объекта (одушевленное лицо), инструмента/орудия (нож). Пользуясь терминологией Л. Терньера, Е.В. Падучевой, которые семантические функции глагола делили на актанты (участники событий) и сирконстанты (условия и обстоятельства дела), в трансформационном глаголе «*кайна тырга*» («кер кайна тырга») можно выделить помимо актантов – субъекта и объекта – сирконстант способа действия, так же как и в креативном глаголе «*бэйләргә*» («кофта бэйләргә»).

Не проникая глубоко в семантические основы данной конкретной языковой системы, затруднительно установить признаки и нормы конструктивного объединения значений в составе одного и того же слова, способы образования новых слов и значений, разграничить омонимы и полисемичные слова. Смысловые границы слова в целом подвижны, и поэтому в глагольной лексике очень часты случаи ослабления или потери семантической соотносительности между производящими и производными основами.

Так, многие глаголы давления начинают обозначать процесс обработки. Это можно объяснить самим денотатом, обработка некоторых объектов/предметов происходит с помощью применения давления. Подобные значения можно назвать производными. Так, в выражениях «давить клюкву», «жать виноград», *crush nuts* «толочь орехи» явно имплицировано значение давления. Хотя в то же время не у каждого глагола давления мы можем эксплицировать сему

обработки. Следовательно, глаголы «давить», «жать», *crush* «давить» в некоторых своих значениях пересекаются с группой глаголов обработки и должны быть причислены не только к глаголам давления, но и к глаголам обработки. Ср.: жилэк *изэргэ* «мять ягоды» (Мать жала ягоды, собираясь приготовить морс.), житен *талкырға* = *brake* «трепать лен» (Көзге талкы чагы, мунчаларда Кызлар жылып, житен талкыйлар. «Время осенней трепки, девушки, собравшись в банях, мнут лен» (Ш. Маннур)).

В области лексической семантики отмечается и следующая закономерность деривационно-мотивированной семантики: прямое значение нормативнее переносного, обладает большей кодифицированностью, т. е. производное употребляется в нелитературной речи до тех пор, пока не войдет в литературную речь в качестве омонима. В качестве примера рассмотрим глаголы давления, наиболее распространенным дополнительным значением которых является психологическое давление, что сближает их с глаголами отношения. Ср.: «давить санкциями» («Телевидение давит на массовое сознание перед референдумом»), «хозяин жмет» («Я и так уже нищий, а хозяин все жмет, требует денег»), кешене *изэргэ* «угнетать» (Капитал дөнъясы изде, Кол итэргэ тели безне. «Давил мир капитала, Хочет сделать нас рабом» (Г. Камал)), «прижать человека», «налечь на подчиненных», «навалиться», *кысарға* «ущемлять» (Алиш мине кыса. Минем язганнарны гәзиткә һәм әдәбижурналга кертми калдыру ягын карый. «Алиш меня зажимает. Старается не предлагать в газеты и литературный журнал то, что я написал» (Ш. Маннур)), *басарға* «подавить» (Усал булсаң – асарлар, юаш булсаң – басарлар. «Будешь злым – повесят, будешь смиренным – задавят» (посл.)). Несмотря на распространенность дополнительного значения, для глаголов давления физическое давление является базовым на данный момент развития языка, поэтому психическое давление является производным значением глаголов группы давления и в основном употребляется в нелитературной речи.

Зачастую переносное значение отличается от прямого результатом обозначаемого действия. В случае с глаголами давления наблюдается расширение их семантического объема, а именно, помимо обозначения самого действия/процесса давления глаголы приобретают дополнительную сему результативности, при доминировании которой глаголы начинают обозначать помимо давления на объект и отрицательное воздействие на него. Ср.: «Много народу ежегодно давят на дорогах», кешене *тантарға/сытарға* «давить людей» (Без дошманны юк итәбез! Тараканны сыткан кебек! «Мы раздавим врага! Словно тараканов!» (Х. Вахит)), бармак *кыстырырга* = «прижать палец» (Ат аягын дагалаганда, бака ботын кыстырмыйлар. «Когда подковывают коня, не суют лапу лягушки» (посл.)), *изэргэ* «бить, поколотить» (Ватанны сөйгән кеше, дошманны изеп бетермичә, үзенең йортына кайтмаса тиеш. «Человек, который любит Родину, не должен возвращаться в свой дом, не разгромив врага» (Ш. Камал)).

При более детальном рассмотрении группы глаголов нанесения удара обнаруживается, что ввиду своей семантики данные лексемы часто переходят в смежную группу глаголов отрицательного воздействия, как это наблюдается в следующих примерах: «колоть свиней», камыт *сугарға* «натирать шею лошади» (о хомуте), «хлопнуть кого-либо» (разг.), паралич *сугарға* «ударить» (о па-

раличе), «*шилпнуть* кого-либо» (разг.), «*бить* птицу», «*забить* человека» – основным значением данных глаголов является уже не нанесение удара, а отрицательное воздействие на объект с целью нанесения ему вреда либо лишения жизни.

Приведем следующие примеры: «*давить* носком окурок», *crush* a table «крушить, сломать стол». Здесь, безусловно, присутствует сема давления, но не в качестве основной, а несущей дополнительное значение способа действия (с помощью применения силы, давления). Доминирующей семой в данных примерах является сема разрушения. Таким образом, чем объемнее семантическая структура глагола, тем шире его употребительность, тем легче происходит актуализация одних и нейтрализация других семантических компонентов.

Большая часть вторичных значений связана с изменением субъекта (объекта) действия. Например, «тоска *давит* грудь» (имеется в виду тяжесть не физическая, а душевное состояние), «Сознание беспомощности *давило* его»; «*давить* рыдания» = тойгыны *басарга* «подавить чувство» (Башта Мостафин куңелендә хурлану һәм оялу кебек нәрсә кыймылдап куйды, ләкин ул бу тойгыны тизрәк басарга тырышты. «Вначале на душе у Мустафина проснулось что-то вроде унижения и стыда, однако он постарался побыстрее подавить это чувство» (А. Еники)), *squeeze out of a confession* «выдавить признание». Впрочем, подобный переход из физической сферы в эмоциональную довольно частотен в современных языках.

В лексической системе, как правило, со сменой одного параметра действия меняются и другие; например в глаголах *кисергә* и *резать* первоначальная семантическая структура включает семы: «конкретное действие» + «орудие действия» (нечто острое) + результат = «деление на части»; при перенесении действия в иную сферу – речевую деятельность (ассоциация – острый язык) – усиливается сема интенсивности действия («сказать/ответить резко, коротко», *сказал, как отрезал* – *кисеп әйтергә*). Так, в русском языке глагол «молотить» в разговорной речи обозначает речевую деятельность, а именно быстрое говорение. Например, «*молотить* всякую чушь», «*молотить* языком без остановки» – в данном значении глагол приобретает значение отрицательной оценки, неодобрения, в то время как «молотить» с основным значением «извлекать, выбивать зерна из колосьев» ввиду наличия имплицированной семы интенсивности также употребляется и как глагол удара. Следует отметить, что у производных значений данного глагола также усиливается сема интенсивности действия. Ср.: Боксеры *молотят* (бьют, ударяют) друг друга. Артиллерия *молотит* (стреляет) по позициям противника. Для обозначения нанесения удара в разговорной речи выступают глаголы «*обработать*» (Весь в царапинах, синяках! Кто это тебя так обработал?), дериват глагола «греть» «*огреть*», *пешерергә* (Эх пешердек Японны без Хасан күле буенда. «Эх и побили мы японцев на озере Хасан» (А. Ерикеев)).

Если рассмотреть глаголы с точки зрения их семантического объема, то на примере татарского глагола *пешерергә* мы наблюдаем явление дивергенции, так как этот глагол обладает большим семантическим потенциалом и включает в себя значения русских глаголов «варить», «печь» или английских *cook*, *bake*. В то же время словосочетание «*варить пиво*» переводится на татарский язык

как *сыра кайнатырга* (а не *пешерергэ*), а на английский – *brew beer*. Таким образом, глаголы «варить», *пешерергэ*, *cook* будут эквивалентными до тех пор, пока они подразумевают обработку нежидких продуктов, приготовление пищи, в противном случае наблюдается дифференциация глаголов: «варить еду» = *пешерергэ*, но *сыра кайнатырга*, букв. «кипятить пиво», «корт кайнатырга» (акцентируется длительность процесса). В английском языке в значении «варить еду» используется *cook*, а *brew* передает значение «заварить напиток». В русском языке префикс *за-* придает значение недолговременности («заварить кофе, чай», но не «кипятить кофе, чай»), а в английском языке у глагола *brew* в сочетании *brew tea* «заварить чай» сема, указывающая на длительность действия, нейтрализуется.

Таким образом, наблюдается любопытный факт: один и тот же денотат в разных языках передается по-разному, например, в русском языке говорят «заварить чай, кофе», где префикс *за-* придает оттенок кратковременности, в то время как в английском для обозначения того же действия употребляется глагол *brew* (*brew tea* «заварить чай») – т. е. сема, указывающая на длительность действия, в некоторых случаях нейтрализуется, а в некоторых, напротив, акцентируется (*brew beer* «варить пиво»).

Если мы обратим внимание на глаголы русского языка «копать» и «рыть», то заметим, что они отражаются в словарных дефинициях в качестве эквивалентных. Однако в контексте «Кот роет задними лапами песок» и «Бабушка копает землю лопатой на огороде» обнаруживается, что при попытке поменять эти глаголы местами смысл предложений меняется. Это происходит потому, что у глагола «копать» в качестве дополнительной семы присутствует сема медлительности, которая сохранилась и в вариантных значениях этого глагола, ср.: «копать материал» (= долго вникать в материал – глагол мышления), «копать под человека» (= устраивать интриги – глагол межличностных отношений). В глаголе «копаться» сема медлительности даже усиливается и появляется оттенок отрицательной оценки, например, «копаться в чувствах», «копаться с делами» (глаголы поля состояния). Наивысшая степень медлительности и отрицательной оценки наблюдается у глагола «ковыряться», чаще всего употребляемого в разговорной речи («ковыряться с бумагами» = долго разбираться с бумагами). Таким образом, на примере глаголов «копать» – «копаться» – «ковыряться» мы можем проследить градацию значений копания. У глагола «рыть», в отличие от эквивалентного ему по базовым значениям глагола «копать», сема медлительности отсутствует, напротив, обнаруживается сема интенсивности действия, энергичности его выполнения, что отразилось и в фразеологических единицах («рыть землю носом» = действовать энергично, настойчиво).

Таким образом, очевидно, что степень омонимизации глаголов в языках различна, что может объясняться психическими, социокультурными и лингвистическими причинами. Изменение глагольных значений может происходить при смене субъекта/объекта действия, при переносе действия в другую сферу, смене способа или инструмента действия.

Summary

A.A. Aminova, D.F. Khakimzyanova. Semantic-Derivational Range of Russian, Tatar and English Verbs.

The complexity of process of semantic derivation may be explained by variation of lexical unit meanings and the variety of their component semes. The article regards the variation of meanings of Russian, Tatar and English verbs. Interaction of various verbal meanings provides semantic change and language extension. In the present work, semantic derivation is explored on the example of lexical-semantic relations of action verbs. The authors revealed causes and tendencies of semantic changes, pointed to cases of universal and unique inner verbal derivation.

Литература

1. *Аминова А.А.* Производный глагол в сопоставительном аспекте. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1993. – 188 с.
2. *Кустова Г.И.* Типы производных значений и механизмы языкового расширения. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 472 с.
3. Очерки по лингвистической детерминации и дериватологии русского языка / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 1998. – 340 с.

Поступила в редакцию
07.12.07

Аминова Альмира Асхатовна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой сопоставительной филологии и межкультурной коммуникации Казанского государственного университета.

E-mail: *Almira.Aminova@ksu.ru*

Хакимзянова Диана Фаридовна – преподаватель кафедры английского Института языка Казанского государственного университета.

E-mail: *khakim2@yandex.ru*